

анықтауға мүмкіндік береді және ауылды советтендіру процесін жан-жақты талдауға үлес қосады деп санайды.

Кілт сөздер: бай-молда, ауылды советтендіру, айырылған, тәркілеу, жер аудару, толық коллективтендіру, мұсылман дін басылары, қуғын-сүргін.

МРНТИ 03.20.00

БАЙ-МУЛЛА КАК ОБЪЕКТ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1920-1930 ГОДОВ: НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ БАЯ-МУЛЛЫ САЯБЕКА ЖАРМАГАМБЕТОВА

Шаповал Юлия Васильевна^{1*}

доктор философских наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Казахстан. Г. Астана. E-mail: shapoval74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1351-4495>.

***Автор-корреспондент
E-mail: shapoval74@mail.ru,**

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассмотрены репрессивные методы советской власти в отношении баев-мулл через призму судьбы их представителя Саябека Жармагамбетова. Репрессии против баев-мулл необходимо рассматривать в контексте масштабного процесса советизации аула, включавшего слом традиционной системы жизни казахского аула через наложение принудительных хлебо- и мясозаготовок, конфискацию и высылку байских хозяйств, сплошную коллективизацию, и, соответственно элиминацию влиятельных категорий населения таких как бай. В среде баев могут быть выделены бай-муллы, которые выполняли, кроме экономических и социальных, религиозные функции среди казахского населения. Автор статьи аргументирует, что изучение подкатегории «баев-мулл» позволит выявить новые аспекты репрессий как в отношении баев, так и в отношении мусульманского духовенства, а также внесет вклад в анализ комплексного процесса советизации аула.

Ключевые слова: бай-мулла, советизация аула, лишенец, конфискация и высылка, сплошная коллективизация, мусульманское духовенство, репрессии.

IRSTI 03.20.00

BAI-MULLAH AS AN OBJECT OF THE REPRESSIVE POLICY OF THE SOVIET STATE IN THE 1920S-1930S: ON THE EXAMPLE OF THE LIFE OF BAI-MULLAH SAYABEK ZHARMAGAMBETOV

Yuliya Vassilievna Shapoval^{1*}

¹Doctor Philosophical Sciences, associate professor, L.N.Gumilyov Eurasian National university, Kazakhstan, Astana c. E-mail: shapoval74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1351-4495>.

***Corresponding author**
e-mail: shapoval74@mail.ru,

Abstract. The article, based on archival materials, examines the repressive methods of the Soviet authorities in relation to the bais-mullahs through the prism of the fate of their representative SayabekZharmagambetov. Repressions against the bais-mullahs should be considered in the context of a large-scale process of Sovietization of the aul, which included the breakdown of the traditional system of Kazakh aul life through the imposition of forced grain and meat procurements, confiscation and expulsion of the bais' farms, total collectivization, and, accordingly, the elimination of influential categories of the population such as the bais. Among the bais, there are bais-mullahs who performed, in addition to economic and social, religious functions among the Kazakh population. The author of the article argues that the study of the subcategory of "bais-mullahs" will reveal new aspects of repressions both in relation to the bais and in relation to the Muslim clergy, and will also contribute to the analysis of the complex process of Sovietization of the aul.

Key words: bai-mullah, Sovietization of the aul, disenfranchised, confiscation and expulsion, total collectivization, Muslim clergy.

Введение.

С приходом к власти большевиков одним из ключевых направлений их политики стала борьба на «идеологическом фронте». Носители религии, включая мусульманское духовенство, выделялись в качестве идейных и политических противников советской власти. Во второй половине 1920-х гг. начинается масштабная борьба с мусульманским духовенством, с исламскими институтами, сохранившимися на тот период. Исследователь Д. Ю. Арапов приводит «Записку Восточного отдела ОГПУ «О мерах борьбы с мусульманским духовенством», (октябрь 1926г.), направленную в Антирелигиозную комиссию при ЦК ВКП(б) (Арапов (сост.), 2010:88-95) как положившую начало прямых репрессий против мусульманских служителей.

Название этой записки говорит само за себя и включает откровенные репрессивные меры: «Г) Беспощадное преследование мулл, нарушающих закон об отделении церкви от государства. Д) Репрессии против мулл, нарушающих существующее законоположение о вероучении. Е) лишение избирательных прав муэдзинов и азанчеев, поскольку через них и осуществляется, по большей части, влияние мусульманского духовенства на низовые советские органы» (Арапов (сост.), 2010: 91). Главный посыл данной Записки о борьбе с мусульманским духовенством на местах был имплицитно в Постановления региональных советских партийных органов. Так, в Казахстане было издано Постановление Бюро Казакского Краевого Комитета ВКП (б) О мерах борьбы с мусульманским религиозным движением (Приложение к Протоколу № 76 заседания Бюро Казкрайкома ВКП (б) от 8. VI. 1927г. к п.4 (АП РК, 1541: 3-10), в котором среди особенностей мусульманского духовенства в Казахстане отмечено, что «духовенство связано с родовыми группами и, в силу этого, выступает и действует заодно с представителями феодально-родового влияния и аксакалами» (АП РК, 1541:4). В других документах постоянно подчеркивается связь мусульманского духовенства с баями. Например, в документе «Краткая характеристика о состоянии религиозного движения среди мусульманского населения Кустанайского округа по состоянию на 26.IV.1928» указывается: «Тесный блок казакского духовенства с байством и взаимная поддержка ими друг друга в вопросах усиления религии и группировочной борьбе составляет правило» (АП РК, 2251:22) Также, в этом же документе социальный состав мусульманского духовенства описывается условным делением на две группы: первая – средний аульный слой и атакаменерства, находящийся под влиянием байства; вторая - это меньшая по количеству группа представлена выходцами из среды самого байства» (АП РК, 2251:21-22).

В списках лиц, лишенных избирательных прав, составленных в связи с перевыборной кампанией 1927 года, по пункту 4 Конституцией 1918 года пункт 4 и инструкциями по выборам, числились мусульманские служители, которые обозначены как «мулла», «хаджи», «ишан», «суфи», встречается определенное количество тех, кто обозначен в списках лишенных

избирательных прав в графе «социальное происхождение» - «бай», а в графах «чем занимался до Октябрьской революции» и «Чем занимается в настоящее время» - «мулла» (Карин (ред), 2022б: 91 -98).

Данная группа «бай» и «мулла», которая представляет собой состоятельных, зажиточных людей, являющихся крупными и средними скотовладельцами, которые имели религиозное образование и выполняли функции муллы. В дореволюционное время большинство выходцев из данной среды получали религиозное образование в средних и, реже, в высших духовных образовательных учреждениях. Многие из них, возвращаясь в свои аулы, строили мечети за свой счет и могли выполнять обязанности мусульманских служителей. Также широко было распространено открытие при мечетях религиозных мектебов, где могли учиться дети из близлежащих аулов.

В связи с разворачиванием кампании по советизации аула репрессии в отношении категории «бай-муллы» усилились, поскольку эта подкатегория объединяла две из нескольких основных групп населения аула, которые, по риторике советской власти, были непримиримыми врагами, препятствующими мероприятиям советской власти. Это отражено в Постановлении Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О лишении права на землепользование и проживание в местах постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями и лиц из привилегированных ранее сословий и групп» от 14 марта 1928 г. (Карин (ред.), 2022:76-78), согласно которому лишались права землепользования, подвергались конфискации имущества и высылке крупные баи, а также ранее привилегированные сословия и группы, включая представителей мусульманского духовенства и их семей. Эти же меры конфискации были отражены также в Докладной записке Казкрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП (б) «О конфискации средств и орудий производства у крупных байских хозяйств и лиц из бывших привилегированных сословий и родовых групп» от 15 мая 1928 г. (Карин (ред.), 2022а:92-99), в Постановлении ЦК ВКП (б) «О конфискации хозяйств и высылке наиболее крупных скотоводов» от 9 августа 1928 г. (Карин (ред.), 2022а:104-106), Инструкция по применению постановления ЦИК и СНК КАССР от 27 августа 1928 г. «О конфискации и выселении байских хозяйств» от 30 августа 1928 г. (Карин (ред.), 2022а:106-110) и различные постановления и инструкции местных органов власти по проведению конфискационных мероприятий и привлечению карательных органов ОГПУ.

Кампании по хлебозаготовкам 1929 г., которые для разных категорий жертв репрессий, включая «баев-мулл», являющихся лишенными избирательных прав («лишенцы») с наложением на них повышенных твердых заданий по мясо- и хлебо- заготовкам, обернулись конфискациями и высылками. Далее, мероприятия по коллективизации начала 1930-х гг. сопровождалась ликвидацией кулаков и баев как класс, что отражено в протоколах и постановлениях за подписью Ф.И. Голощекина, и местных

советских государственных и партийных органов власти, реализующих постановления Казкрайкома. «Сплошная коллективизация» сопровождалась очередным витком высылки кулацких и байских семей и их последователей – «подкулачников». Понятие бай или кулак по мере нарастания коллективизации трактовалась все более широко и вольно. Так, Постановление Нуринского Районного Исполнительного Комитета Карагандинской области (8 июля 1933 года) в разделе V приводит признаки кулацко-байских хозяйств, куда входят не только систематическое применение наемной силы, эксплуатация бедняков, но и служители религиозных культов, получающие доход, включая мусульманское духовенство. (ГА Нуринского района Карагандинской области, 2:66).

Учитывая масштабы советизации аула, хлебо- и мясо-заготовительных кампаний, сплошной коллективизации, а также широкую трактовку категории бай, кулацко-байских хозяйств, подкатегория «бай-мулла» также была объектом репрессивной политики советского государства и заслуживает внимание исследователей.

В данной статье, помимо актуализации категории «бай-мулла» как объекта и жертв сталинско-большевистских репрессий, мы поставили целью через призму судьбы одного бая и крупного муллы Карагандинского района Акмолинской области (с 1932 года Тельмановский район Карагандинской области) Саябека Жармагамбетова, рассмотреть механизм и виды репрессий, которым они подверглись.

Материалы и методы.

В качестве методологической основы нами использовался подход микроистории, так как он позволяет увидеть то, что находится позади сухих фраз отчета и официальных формулировок, а именно жизнь людей в контексте реализации репрессивных мер (Khalid, 2008: 308), а также услышать голоса самих мусульман (Sartori, 2010: 334). В соответствии с этим методологическим подходом мы предприняли реконструкцию биографии одного из представителей «баев-мулл», что позволило на событиях его жизни понять механизм репрессий, методы и их последствия для жизни конкретного человека.

Для восстановления биографии бая-муллы Саябека Жармагамбетова были использованы материалы архивного дела из Специального государственного архива управления информатизации и связи ДП Карагандинской области, а также материалы другого архивного дела из Специального государственного архива Управления информатизации и связи МВД, которые в настоящий момент находятся в Архиве Президента РК. «Услышать голос» самого С. Жармагамбетова удалось благодаря тому, что во втором следственном деле сохранились изъятые у него тетради с его записями, отрывки из которых будут приведены в тексте статьи.

Кроме того, был проанализирован пласт официальных документов советских государственных и партийных органов, касающихся, с одной

стороны, советизации аула, конфискации байских хозяйств, хлебо- и мясо-заготовительных кампаний, сплошной коллективизации, с другой стороны, раскрывающие репрессии против мусульманского духовенства, собранные в Материалах Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий 1920-1950-е годы. Также были использованы архивные материалы фонда Казкрайкома (агитационно-пропагандистский отдел) в Архиве Президента РК и материалы КГУ «Государственный архив Нуринаского района» (поселок Нура).

На наш взгляд, более целостное исследование категории баев-мулл является возможным на основе междисциплинарного подхода с привлечением истории, религиоведения, социологии и антропологии религии в связи со спецификой данной подкатегории.

Обсуждение.

Вопросы конфискации и выселения баев в Казахстане являются фокусом исследований казахстанских и зарубежных специалистов. В последнее десятилетие активно идет поиск новых подходов к изучению данного процесса, который французский исследователь И. Огайон обозначила как «дебаизация» (Огайон, 2009). Термин «дебаизация» также используется казахстанскими историками для осмысления масштабного процесса, направленного, в конечном счете, на ликвидацию байства как класса, который служил препятствием для переустройства аула на социалистических принципах. Жакишева С.А. (Жакишева 1997; Жакишева, 2021) предложила новые методологические подходы и использование новых технологий для более точного и глубокого изучения элиминации байских хозяйств и их последствий. Привлечение компьютерно-информационных технологий позволило реконструировать социально-имущественную модель экспроприированных байских хозяйств, распределение по возрасту, образованию и влиянию среди аульного населения, а также представить в количественном отношении распределение байских хозяйств по группам конфискации, результаты уголовного преследования баев и членов их семей. Исследователь Жакишева С.А. подразделяет репрессированных баев по социально-имущественному признаку, по социальным признакам - по занимаемым должностям в царское время, по социальному влиянию и отношению к советской власти.

Большой интерес представляет исследование Мусагалиевой А.С. (Мусагалиева, 2021: 125) репрессивных мер советской власти на этапе чистки колхозов от байско-кулацкого элемента в 1932 и 1933 году через призму их реализации на местах, в частности, в Тельмановском районе Карагандинской области. История репрессий против баев Тельмановского района для нас представляет интерес, поскольку судьба бая-муллы Саябека Жармагамбетова была связана с Тельмановским, а также Нуринским районами Карагандинской области (до 1932 года – Акмолинский округ), и самим городом Карагандой.

Соответственно, репрессивные меры, описанные Мусагалиевой А.С. непосредственно отразились на его жизни.

Большинство исследований, включая перечисленные работы, выделяют подкатегории баев по социально-имущественному признаку – скотовладение и социальная позиция в аульном сообществе. Однако, вне исследовательского внимания остаются баи, которые в архивных документах, связаны с религиозным служением – баи-муллы, хотя данные выполняемые ими функции религиозные и религиозно-образовательные были важны для жизни казахского аула. Соответственно, они остаются малоизученной группой, как со стороны тех ученых, которые занимаются дебаизацией и репрессивными мерами по советизации аула, так и теми исследователями, в научном фокусе которых репрессии против духовенства.

Результаты.

В Постановлении Президиума Всероссийского ВЦИК «О лишении права на землепользование и проживание в местах постоянного жительства крупных баев и скотопромышленников с семьями и конфискации их имущества» от 14 марта 1928 г. четко было определено, что «баи, манапы и представители сильных родов и бывших привилегированных сословий до сих пор являются непримиримыми врагами советской власти; они всячески препятствуют основным мероприятиям советской власти в ауле и кишлаке...» (Карин, 2022:74), и в нем же еще более детальное изложение привилегированных сословий и групп, среди которых помимо крупных баев, потомков султанов и ханов, лиц, служивших волостными управителями, указываются представители мусульманского духовенства. Поэтому, репрессии против мусульманского духовенства усилились в связи с поставленной советской властью задачей советизации аула, которая предполагала разрушение существующих традиционных общественных и имущественных отношений и дальнейшие революционные изменения в ходе сплошной коллективизации и оседания казахского населения. В уже приводимом нами документе «Краткая характеристика о состоянии религиозного движения среди мусульманского населения Кустанайского округа по состоянию на 26.IV.1928» делается вывод: «Таким образом, изложенные факты свидетельствуют о наличии тесной связи байства с духовенством, о стремлении захвата под свое влияние низового советского аппарата, союза Кошчи, ячеек ВЛКСМ, массовом сборе средств путем использования религиозного фанатизма масс, запугивания и проч.» (АП РК 2251:24).

Выделенная нами категория среди баев, «бай-мулла» совмещала в себе несколько факторов влияния на население аула, а именно экономический, социальный и духовный, что придавало ей особую опасность в глазах советской власти. Для того, чтобы глубже и всесторонне осмыслить практическую реализацию репрессий в отношении баев-мулл, обратимся к судьбе одного из мулл Карагандинской области Саябеку Жармагамбетову,

который на себе испытал действие репрессивной машины. Изложение его жизни основано на данных содержащихся в двух групповых следственных групповых делах, где среди обвиняемых был С. Жармагамбетов.

Жармагамбетов Саябек родился в 1884/1879 году, проживал в ауле № 5 Тельмановского района Карагандинской области. В двух следственных делах указываются разные даты рождения. С двух лет он остался сиротой. До февраля 1917 г. он учился и был муллой. Он окончил медресе «Газиз» в г. Петропавловске, имел среднее духовное образование. На свои средства построил мечеть в ауле, которая функционировала до 1927 года. При царизме Саябек Жармагамбетов, помимо того что был муллой, имел крупное байское хозяйство. Следовательно, он был, по определению советских властей и «служителем религиозного культа» и баем. В следственных документах он назван «крупным муллой Тельмановского района (СГА УИиС ДП Карагандинской области, 1960:90), который имел значительное влияние на население.

Первое следственное дело, где одним из обвиняемых является С. Жармагамбетов, датируется 1931 годом и является групповым делом «По обвинению Айнабекова Ж. и других. Всего 7 человек». Данное дело было инициировано против баев аула № 1 Нурина района, которые принадлежали к роду «Кулумбет», и держали под своим влиянием все население вплоть до 1930 года. Саябек Жармагамбетов происходил из рода «Баргана» и был женат на дочери одного из баев аула № 1 – Адилова Нугмана. Интересным фактом является, что отец влиятельного бая, главы рода Айнабекова Жакии, Айнабек был ходжи и суфием, имел среди населения большой авторитет и влияние, а сам Айнабеков Ж. имел духовное образование. Таким образом, Саябек Жармагамбетов был тесно связан с баями и муллами этого рода, а также сам был баем и муллой.

Саябек Жармагамбетовна тот момент былуже «лишенцем», то есть лишенным избирательных прав как «служитель религиозного культа» и как бай. В различных подзаконных актах и инструкциях были закреплены негативные последствия статуса «лишенцев», что позволило исследователю Федоровой Н.А. называть их сословием отверженных (Федорова, 2007:483). На практике «лишенец» не только не имел права избирать и быть избранным в органы государственной власти, но и лишался всех пособий, пенсий, компенсаций, даже карточек (при системе карточного распределения, введенной в СССР в 1928 г.). «Лишенец» и члены его семьи не принимались в колхоз, не могли стать членами кооператива, артели.

На Жармагамбетова Саябека, а также на его брата Каламбека Нурмуратова (бывший бай), лишенных избирательных прав, были наложены твердые планы по мясозаготовкам, которые они не смогли выполнить. В результате приговором Народного суда Тельмановского района от 3 мая 1931 года братья были осуждены за невыполнение контрольного задания по сдаче государству хлеба и мяса, были приговорены к 5 и 2 годам лишения свободы, соответственно, по ст. 58-10, ст. 61 УК РСФСР, имущество их

было конфисковано (СГА УИиС ДП Карагандинской области, 1960:90). Эти факты полностью соотносятся с данными, которые приводит исследователь Мусагалиева А.С. (Мусагалиева, 2021:128) по Тельмановскому району, когда констатирует, что «чистка колхозов от кулацко-байского элемента» началась с кампании по мясозаготовкам в 1931 году, которые байы выполнить не могли, за что были подвергнуты аресту, обвинению, конфискации и высылке.

Наложение твердых заданий по хлебо- и мясозаготовкам, обложение высокими налогами применялось советской властью и к служителям культа как к единоличникам, не входящих в колхоз, что было также одной из репрессивных мер давления на духовенство и предлогом для ареста, суда, и как результат, лишения свободы или высылки. Это приняло в 1930–1931 годах широкие масштабы, о чем пишет муфтий Р. Фахретдинов в «Письме руководства ЦДУМ в Президиум ВЦИК. 30 ноября 1931 г.»: «...местные органы, ведающие обложением налогами и назначением твердых заданий на доставку хлеба и разного рода предметов, по отношению к служителям мусульманского культа совершают разного рода неправильности и даже явную несправедливость, не исправляемую, а наоборот санкционируемую местными судебными органами... Кроме того, имеются случаи, что причисленные к категории кулаков служители культа были отправлены в ссылку с семьями, или только сами, на принудительные работы распоряжением административной власти» (Арапов (сост.), 2010:158). Итог данной политики – резкое сокращение численности мусульманских служителей, грозящее полным организационным распадом религиозных организаций на местах. Муфтий Р. Фахретдинов приводит цифры по различным территориальным единицам, подведомственным ЦДУМ, в том числе по Казахстану ссылается в качестве примера на Усть-Каменогорский район, где в 50 аулах служили 88 служителей культа (50 имамов и 38 муэззинов), а к 1931 году осталось 2 представителя мусульманского духовенства, что составляет 2,27% к бывшей численности (Арапов (сост.), 2010: 161-162]. Такая же ситуация была на всех территориях, руководимых ЦДУМ. Районы Акмолинского округа, часть из которых в 1932 году, включая Тельмановский, вошла в Карагандинскую область, также были в ведении мухтасибатов ЦДУМ (АП РК 1541:29).

Таким образом, Саябек Жармагамбетов как бай и мулла стал жертвой масштабных репрессий начала 1930-х годов, развернутых в ходе проведения революционных насильственных преобразований в ауле. Кампания по мясозаготовке и насильственная сплошная коллективизация привели к голоду. С. Жармагамбетов критиковал мероприятия по коллективизации и предсказывал голод среди казахского населения. Обладая сильным свободолюбивым характером, он с братом убежал из-под конвоя по пути следования к месту отбывания наказания в г. Акмолинск. Он скрывался у своего тестя, и, как сказано в следственном деле, распространял антисоветские слухи о конфискации скота советской властью, о голоде в

Тельмановском районе (СГА УИиС ДП Карагандинской области, 1960:90). Как показывают факты, приведенные Мусагалиевой А.С., результатом крупной мясозаготовки и коллективизации стал голод, о котором докладывал представитель ОГПУ (Мусагалиева, 2021:129).

Вскоре бай-мулла Жармагамбетов Саябек был снова арестован и заседанием Тройки при ПП ОГПУ от 16 января 1932 года в Караганде вместе с другими баями Айнабековым Ж., Кожамберлиным А., Нурмуратовым К. и другими (в числе 7 человек) приговорен к заключению в концлагеря на пять лет считая срок с 21.05.1931 года по статьям 58-10 - контрреволюционная агитация, и 82 УК РСФСР – побег. В Обвинительном заключении было указано, что в момент перевыборов советов 1930-31 гг. была осуществлена чистка рядов колхоза аула № 1 собранием батраков, членов колхоза, в результате чего были «вычищены» бай аула и им были даны твердые планы хлебо- и мясозаготовок, которые они не смогли выполнить и подверглись конфискации скота и имущества, лишению избирательных прав, но продолжали проводить антисоветскую агитацию против колхозов, а Жармагамбетов С. и его брат Нурмуратов К., скрывавшиеся после побега в ауле № 1, распространяли антисоветские слухи о голоде в Тельмановском районе (СГА УИиС ДП Карагандинской области, 1960:89-90)

В 1934 году Жармагамбетов С. досрочно освобожден уже больным человеком и поселился в городе Караганда. Работал сторожем. К 1934 году в Караганде не осталось ни одной мечети и религиозные обряды исполнялись нелегально. В следственных делах того периода постоянно упоминается практика «нелегальных мечетей», когда муллы, не имея возможности открыто в мечети проводить моления, несмотря на большой риск, проводили их в частных домах, собирая людей. В 1934 году в г. Акмолинск после ссылки приезжает хазрет Мирвалиев Темиргалий. По линии ЦДУМ он выполняет функции мухтасиба Акмолинского и прилегающих районов. Мирвалиев Темиргалий становится имамом 2-й мечети г. Акмолинска, и направляет свою энергию на возрождение религиозной жизни региона, на то, чтобы активизировать деятельность мусульманского духовенства региона. Ему удалось сплотить вокруг себя мулл прилегающих территорий, как аулов, так и городов, в частности Караганды. Другой мулла Утеуов Картай, близкий друг и помощник Мирвалиева, муэдзин второй мечети г. Акмолинска приехал в г. Караганду и наладил связь с местными муллами, в том числе с Саябеком Жармагамбетовым. Значительная активизация религиозной сферы в городах и аулах-колхозах, рост влияния мусульманского духовенства были замечены органами Советской власти, которая в этот период держала курс, как было отмечено в вышеуказанной записке Восточного отдела ОГПУ, на беспощадное преследование мулл. Соответственно, в конце 1936 года были арестованы многие муллы региона (17 человек), возбуждено групповое дело «По обвинению Мирвалиева Т. и других», в том числе которых были также муллы Караганды – Жармагамбетов Саябек и Балтабаев Копа. С. Жармагамбетов был арестован 13 декабря 1936 года. В данном большом

групповом деле Жармагамбетов характеризовался то как крупный мулла, то как бай аула № 5 Тельмановского района. В Приговоре Военного трибунала Пограничной и внутренней охраны НКВД КССР, от 21.06.1937г. приведено обвинение в том, что «Мусульманским духовенством и остатками классово враждебных элементов, под руководством членов ЦДУМ создана в Казахстане националистическая контрреволюционная организация, поставившая своей целью свержение советской власти и создание самостоятельного буржуазно-демократического государства с объединением всех тюркских национальностей ...при поддержке двух иностранных государств...» (СГА УИиС МВД РК 1400:71). Всем арестованным предъявили обвинение по статьям 58–10 ч.2 – контрреволюционная агитация, 58-11 ч.2. – контрреволюционная организационная деятельность.

Таким образом, через несколько лет после освобождения, Саябек Жармагамбетов вновь арестован, как и другие муллы, и обвинен не просто в контрреволюционной агитации, но и в участии в контрреволюционной организации, которая ставила целью – свержение Советской власти. Саябек Жармагамбетов представлял большую опасность для советского строя еще и потому, что вел записи (стихи), где выражал свое отношение к существующему порядку. Всего в ходе обыска было изъято 10 тетрадей, написанных на казахском языке арабским шрифтом. Эти записи С. Жармагамбетов давал читать и переписывать знакомым. Саябек Жармагамбетов наряду с другими несколькими представителями мусульманского духовенства (Мирвалиевым Т., Утеуовым К., Измайловым А.), был приговорен к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 15 октября 1937 года в г. Акмолинске. Остальные 12 мусульманских служителей были приговорены к разным годам заключения в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь).

Безусловно, записи муллы С. Жармагамбетова сыграли значительную роль при вынесении сурового приговора - ВМН. Эти записи были формой сопротивления притеснениям, репрессиям со стороны советской власти. Порой они напоминают крик души о происходящем вокруг, но души не отчаявшейся, а надеющейся на лучшее, по воле Бога. Язык записей яркий, полный образов, стремящийся передать всю глубину страданий человека. Также записи свидетельствуют о том, что Саябек Жармагамбетов был глубоко верующим человеком. Обратимся к смысловому переводу данных записей, который содержится в следственном деле.

«Суровая судьба, осуществив свои цели, человечество наградила обидой и страданием. Ушли богатства, счастье людей и веселые времена. Они отдалились от нас» (СГА УИиС МВД РК 1400:1). Выдержка вторая: «без горестные, счастливые времена мелькают перед глазами как туман. Сколько бы не жалели, остается только страдание, ибо эти дни пока нам не доступны» (СГА УИиС МВД РК 1400:1).

Саябек Жармагамбетов пишет о тяжелом материальном положении, в котором оказались люди после кампании по коллективизации. «Времена,

когда пили кумыс из черной сабы, отошли в область предания. В данное время бываешь доволен простым чаепитием. Жая, жая, казы, карта, сменилось сухим хлебом» (СГА УИиС МВД РК 1400:3).

В следующих выдержках он оценивает советский строй. «Неустойчивый, безнадежный, суровый и горький, как соленая вода, режим – ввели нас в заблуждение от правильного пути, народ, доверившись словам обманщиков, пошел за ними...» (СГА УИиС МВД РК 1400:1). «...Растряслись мозги, закружилась голова. Язык завязан. Пришло такое время, народ отрекся от бога. День ото дня берет вверх безбожный дьявол, любуясь и наслаждаясь сегодняшним днем, не думая о будущем. Народ поверил, не зная сущности порядка. Надеюсь, бог видит все это и он удовлетворит наши ожидания» (СГА УИиС МВД РК 1400:1). Или яркий образ, сравнивающий советскую власть с лисой: «Как лиса хитрый современный строй. Остался ли кто не изгнанным. Он довольствуясь только пустыми планами, отравляет бедную душу людей...» (СГА УИиС МВД РК 1400:3).

В то же время, как верующий человек, он понимает, что все в земной жизни временно и преходяще, в том числе и советский строй. «...Неустойчив этот строй. Видно, что он шатается (качается). Неустойчивость этого строя воодушевляет мою надежду на будущее...» (СГА УИиС МВД РК 1400:1). «Худо и добро – близнецы. Перемена нетрудна, если она необходима для нас и если есть на то причина. Если бог пожелает помочь, то он поможет своему народу. Будемте все умолять и просить бога, он все наши желания направит сам» (СГА УИиС МВД РК 1400:3). Безусловно, необходима сверка смыслового перевода с оригиналом, но даже такой перевод передает как тяжело воспринимались и переживались эти человеком потрясения советского строя.

Дело по обвинению 17 мулл (включая С. Жармагамбетова) было пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР в 1963 году и принято решение об отмене приговоров в отношении фигурантов дела по причине отсутствия состава преступления, и они были реабилитированы. Родственники бая-муллы Саябека Жармагамбетова, видимо, уехали из Карагандинской области, так как справка о реабилитации была возвращена в следственное дело.

Заключение.

Таким образом, на примере судьбы Саябека Жармагамбетова было показано каким репрессивным мерам подвергались бай-муллы как одна из подкатегорий, с одной стороны, большой категории жертв репрессий – баев, с другой стороны, другой большой категории жертв сталинско-большевистских репрессий – мусульманского духовенства. Жармагамбетов С. был арестован и осужден три раза. Первый раз, в 1931 году он был арестован и обвинен в невыполнении государственных мясозаготовок, осужден, но совершил побег. Второй раз, в 1932 году он был арестован по

групповому делу против баев аула № 1 Нуринского района Карагандинской области и осужден за контрреволюционную агитацию против коллективизации и побег на пять лет. В 1936 году он был арестован и осужден к ВМН (1937 г.) по большому групповому делу «Мирвалиев и др.» за участие в националистической контрреволюционной организации. Репрессивные меры по советизации аула, включающие принудительные кампании по мясозаготовки как один из инструментов «чистки колхозов от байско-кулацкого элемента», ведущие к конфискации имущества и высылке баев, сплошную коллективизацию прошли по жизни конкретного человека, уничтожив эту жизнь. Оставшиеся выдержки из его записей в изъятых при обыске тетрадях, позволяют понять глубину страданий человека, на глазах которого полностью был разрушен прежний традиционный мир казахского аула, включая его самого как его носителя.

На наш взгляд, подкатегория «бай-мулла» нуждается в дальнейшем исследовании, что позволит выявить новые аспекты советизации аула, репрессивной политики советской власти в отношении тех баев, которые выполняли не только экономические, социальные, но и религиозные функции. Более детальный анализ данной подкатегории, возможно, откроет перспективы дальнейших исследований по вопросам репрессий мусульманского духовенства.

Более углубленное изучение подкатегории «бай-мулла» возможно на основе проблемно-ориентированной методологии и междисциплинарного подхода, исходя из ее специфики.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках участия в научном проекте ИРН ВР 24993057 «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации», осуществляемого при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы и источников:

1. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК) АП РК. Ф.141. Оп. 1. Д.1541. АП РК, Ф.141. Оп. 1. Д.2251.
2. Архив Нуринского района Карагандинской области (ГА Нуринского района Карагандинской области). Ф.35. Оп.1 Д.2.
3. Жакишева С.А. Конфискация байских хозяйств в Казахстане на рубеже 20 - 30-х годов XX в. // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды IV конференции АИК. Ред. Л.И.Бородкин и И.Ф.Юшин. М., 1997. 339 с. <https://digitalhistory.ru/publication/zhakisheva-s-a-konfiskaciya-bajskix-hozyajstv-v-kazaxstane-na-rubezhe-20-30-x-godov-xx-v/> (дата обращения: 20.10.2024 г.)

4. Жакишева С.А. Элиминация байских хозяйств в Казахстане на рубеже 20-30-х гг. XX в.: новые подходы, методы и технологии. - *Қазақ университеті*, 2021. – 221 с.
5. Ислам и советского государство (1917–1936): сборник документов. Выпуск 2/сост. и авт. предисл. и примеч. Арапов Д.Ю.– М.: Изд.дом Марджани, 2010.– 208 с.
6. KhalidA. Searching for Muslim Voices in Post-Soviet Archives.– *Ab Imperio*.–2008. – № 4. – P.302-312.
7. Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50-е годы XX века). Т.1/Под общ. Ред. Е.Т. Карина. – Нур-Султан, 2022а. – 622 с.
8. Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50-е годы XX века). Т.23: Ақмола өнері–архив құжаттарында. 1920–1940 жж.Құжаттар мен материалдар.Құрастырушылар Ғ.Т. Исахан К.М. Ильясова, Қ.Ғ. Дәркенов/Под общ. Ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022б. – 352 с.
9. Мусагалиева А.С. Чистка колхозов от «байско-кулацкого элемента...»: репрессивная политика советской власти в Тельмановском районе Карагандинской области в 1932-1933 году//*Отан тарихы.Ғылыми журнал*. – 2021.- № 4 (96). – С.125–135.
10. ОгайонИ. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 г.г.). – Алматы: “Санат”, 2009. – 368 с.
11. Sartori P.Towards a History of the Muslims’ Soviet Union: A View from Central Asia. – *Die Welt Des Islams*. – 2010. – №50. – С.315–334.
12. Специальный государственный архив управления информатизации и связи ДП Карагандинской области (СГА УИиС ДП Карагандинской области). Ф.8. Д. 1960.
13. Специальный государственный архив Управления информатизации и связи МВД. (СГА УИиС МВД). Ф. 1^а. Д. 1400.
14. Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных//*Журнал исследований социальной политики*. – 2007. – Т.5. - № 4. – С. 483–496.

References

1. ArhivPrezidentaRespubliki Kazakhstan (AP RK)[Archive of the President of the Republic of Kazakhstan] F.141. Op. 1. D.1541. AP RK, F.141. Op. 1. D.2251.
2. GosudarstvennyjArkhivNurinskogorajonaKaragandinskojoblasti (GA NurinskogorajonaKaragandinskojoblasti)[State Archive of Nura district of Karaganda region]. F.35. Op.1 D.2.
3. Zhakisheva S.A. Konfiskaciya bayskikh khozyajstv v Kazakhstanenarubezhe 20 - 30-kh godov XX v.[Confiscation of bais` farms in

Kazakhstan at the turn of the 20s and 30s of the 20th century].// Krug idej: tradiciiitendenciiistoricheskoinformatiki. Trudy IV konferencii AIK. Red. L.I.BorodkiniI.F.Yushin. M., 1997. 339 s.
<https://digitalhistory.ru/publication/zhakisheva-s-a-konfiskaciya-bajskix-xozyajstv-v-kazaxstane-na-rubezhe-20-30-x-godov-xx-v/>
(dataobrashcheniya: 20.10.2024g.)

4. Zhakisheva S.A. Ehliminaciya bajskikh khozyajstv v Kazakhstanenarubezhe 20-30-kh gg. XX v.: novyepodkhody, metodyitehnologii.[Elimination of Bais` farms in Kazakhstan at the turn of the 20-30s of the XX century: new approaches, methods and technologies]. – Qazaquniversiteti, 2021. – 221 s.

5. Islam i sovetskogogosudarstvo (1917–1936): sbornikdokumentov. [Islam and the Soviet State (1917-1936): collection of documents]. Vypusk 2/sost. iavt. predisl. iprimech. Arapov D.YU. – M.: Izd. domMardzhani, 2010. – 208 s.

6. KhalidA. Searching for Muslim Voices in Post-Soviet Archives. – Ab Imperio. – 2008. – № 4. – P. 302-312.

7. MaterialyGosudarstvennojkomissii po polnoyreabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50-e gody XX veka). T.1 [Materials of the State Commission on full rehabilitation of victims of political repressions (20-50s of the XX century). Vol.1]/Pod obshch. red. E.T. Karina. – Nur-Sultan, 2022a. – 622 s.

8. MaterialyGosudarstvennojkomissii po polnoyreabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50-e gody XX veka). T.23. [Materials of the State Commission on full rehabilitation of victims of political repressions (20-50s of the XX century). Vol.23]: Aqmolaøneri–arkhivkyzhattarynda. 1920–1940 zhzh. Qyzzhattar men materialdar.Qyrastyrushylar F.T. Isakhan K.M. Il'yasova, Q.F. Dørkenov /Pod obshch. red. E.T. Karina. – Astana, 2022b. – 352 s.

9. Mussagalieva A.S. Chistka kolkhozovot «bajsko-kulackogo ehlementA...»: repressivnayapolitikasovetskoj vlasti v Tel'manovskomrajoneKaragandinskojoblasti v 1932-1933 godu. [Cleaning of collective farms from “kulatsko-baysky element...: repressive policy of the Soviet power in the Telmanovsk district of the Karaganda region in 1932-1933]. //Otantarikey.Fylymizhurnal. – 2021.- № 4 (96). – S.125–135.

10. Ogajon I. Sedentarizaciya kazakhov SSSR priStaline. Kollektivizaciya isocial'nye izmeneniya (1928–1945 g.g.). [Sedentarization of Kazakhs in the USSR under Stalin. Collectivization and social changes (1928–1945)]. – Almaty: “SanaT”, 2009. – 368 s.

11. Sartori P. Towards a History of the Muslims' Soviet Union: A View from Central Asia. – Die Welt Des Islams. – 2010. – №50. – C.315–334.

12. Special'ny j gosudarstvennyj arkhiv upravleniya informatizacii i svyazi DP Karagandinskojoblasti (SGA UIIS DP Karagandinskojoblasti). [Special State